

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С.Билера, П.А.Гурьянова, Н.А.Гурьяновой, С.И.Каминской, А.М.Савенкова, Л.И.Савенковой и И.П.Степанюгиной

город Санкт-Петербург

27 октября 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан И.С.Билера, П.А.Гурьянова, Н.А.Гурьяновой, С.И.Каминской, А.М.Савенкова,

Л.И.Савенковой и И.П.Степанюгиной. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.И.Клеандрова, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф.Вяткина, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В.Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 статьи 836 «Форма договора банковского вклада» ГК Российской Федерации договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме; письменная форма договора банковского вклада считается соблюденной, если внесение вклада удостоверено сберегательной книжкой, сберегательным или депозитным сертификатом либо иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота.

1.1. В период с июня по декабрь 2012 года в дополнительном офисе «Геленджикский» банка «Первомайский» (ЗАО) с гражданами И.С.Билером,

П.А.Гурьяновым, Н.А.Гурьяновой, С.И.Каминской и И.П.Степанюгиной были заключены договоры банковского вклада: с П.А.Гурьяновым, Н.А.Гурьяновой, И.П.Степанюгиной – в валюте (долларах США) сроком на один год (процентная ставка по договору составила 9% годовых), с С.И.Каминской – в рублях сроком на один год (процентная ставка по договору составила 16% годовых), с И.С.Билером – в рублях на срок более одного года (процентная ставка по договору составила 16% годовых). Все договоры заключались в здании банка, в присутствии его работников, осуществлявших обслуживание клиентов банка. Кроме того, И.С.Билер, как следует из материалов дела с его участием, в течение срока действия договора, заключенного на сумму 700 тысяч рублей, неоднократно вносил дополнительные денежные средства (последний раз – 3 миллиона рублей), а также получал проценты по вкладу. Весной 2013 года указанные граждане обратились в банк с заявлениями о досрочном возврате денежных средств, в чем им было отказано на том основании, что договоры между ними и банком заключены не были, поскольку подписавшее их лицо (директор дополнительного офиса «Геленджикский») не имело полномочий на совершение этих сделок от имени банка, а денежные средства, на принятие которых этим лицом для зачисления во вклады указано в выданных им документах, в кассу банка не поступали.

Исковые требования И.С.Билера, П.А.Гурьянова, Н.А.Гурьяновой, С.И.Каминской и И.П.Степанюгиной о взыскании денежных средств, находящихся в их банковских вкладах, процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами и упущенной выгоды в связи с нарушением ответчиком условий заключенных ими договоров банковского вклада были оставлены без удовлетворения Геленджикским городским судом Краснодарского края, который со ссылкой на пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации признал данные договоры ничтожными либо незаключенными. Как указано в решениях суда, вынесенных 6 и 7 августа 2013 года (оставлены без изменения апелляционными определениями

судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, вынесенными в период с 8 по 22 октября 2013 года), представленные истцами экземпляры договоров не соответствуют утвержденной банком типовой форме и от его имени подписаны неуполномоченным лицом, сам же по себе договор банковского вклада не может удостоверить факт внесения денежных средств, если отсутствуют документы, свидетельствующие об открытии вкладчику счета и надлежащим образом подтверждающие поступление на этот счет денежных средств. Определениями судей Краснодарского краевого суда и Верховного Суда Российской Федерации, вынесенными в период с 21 ноября 2013 года по 21 марта 2014 года, в передаче кассационных жалоб заявителей на данные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

1.2. 13 декабря 2012 года, 20 марта 2013 года и 16 мая 2013 года гражданин А.М.Савенков заключил с коммерческим банком «Мастер-Банк» (ОАО) договоры банковского вклада в рублях сроком на один год, процентная ставка по которым составляла соответственно 11%, 13% и 13% годовых. 17 января 2013 года гражданка Л.И.Савенкова заключила с тем же банком договор банковского вклада в рублях, процентная ставка по которому составляла 11% годовых. Во всех договорах содержалось указание на то, что документом, удостоверяющим прием вклада, и основанием для исполнения банком принятых на себя обязательств является сам договор.

20 ноября 2013 года приказом Банка России у коммерческого банка «Мастер-Банк» (ОАО) была отозвана лицензия на осуществление банковских операций, а решением Арбитражного суда города Москвы от 16 января 2014 года банк был признан банкротом и в отношении него открыто конкурсное производство, в связи с чем А.М.Савенков и Л.И.Савенкова обратились к конкурсному управляющему с заявлениями о включении их денежных требований (суммы вкладов с начисленными процентами) в первую очередь реестра требований кредиторов банка, в чем им было отказано. Определения

Арбитражного суда города Москвы от 22 мая 2014 года (оставлены без изменения арбитражным судом апелляционной инстанции), которыми требования истцов были удовлетворены, Арбитражный суд Московского округа постановлениями от 7 ноября 2014 года и от 17 ноября 2014 года отменил и со ссылкой на пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации вынес новые решения – о признании возражений А.М.Савенкова и Л.И.Савенковой на решения конкурсного управляющего необоснованными. Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что при заключении сторонами договоров банковского вклада не были соблюдены требования к их форме, и указал, что в предмет договора банковского вклада включаются действия банка по открытию и ведению счета, на который принимается сумма вклада и начисляются проценты на вклад, а потому факт внесения вклада не может удостоверяться одним только договором, оформленным в виде единого документа, подписанного сторонами, при отсутствии иных доказательств фактической передачи банку денежных сумм, составляющих размер банковского вклада.

Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в передаче кассационных жалоб А.М.Савенкова и Л.И.Савенковой на постановления Арбитражного суда Московского округа для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, также отметил, что отсутствие сведений о наличии в банке счета для принятия вклада и начисления на него процентов свидетельствует о несоблюдении сторонами письменной формы договора банковского вклада, что в силу пункта 2 статьи 836 ГК Российской Федерации влечет его ничтожность (определения от 22 февраля 2015 года).

1.3. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобе гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод проверяет конституционность законоположений, примененных в деле заявителя,

рассмотрение которого завершено в суде, и принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение пунктом 1 статьи 836 ГК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 8 (часть 2) и 35 (части 1, 2 и 3) Конституции Российской Федерации, граждане И.С.Билер, П.А.Гурьянов, Н.А.Гурьянова, С.И.Каминская, А.М.Савенков, Л.И.Савенкова и И.П.Степанюгина усматривают в том, что его положения позволяют не признавать соответствующим применяемым в банковской практике обычаям делового оборота документом, удостоверяющим факт внесения вклада (что влечет правовые последствия, предусмотренные пунктом 2 той же статьи), договор банковского вклада, оформленный в виде единого документа, подписанного сторонами, с приложением документов, подтверждающих факт внесения денежных средств на счет по вкладу, либо без таковых, но при наличии в самом договоре условия о том, что он является документом, удостоверяющим прием вклада.

Таким образом, пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в части, позволяющей удостоверить соблюдение письменной формы договора «иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота», который служит основанием для оценки соблюдения письменной формы договора банковского вклада, заключаемого гражданином, и для удостоверения факта внесения им вклада.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует в качестве одной из основ конституционного строя свободу экономической деятельности

(статья 8) и в развитие этого положения закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 34 и 35).

Из смысла приведенных конституционных положений о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора в числе других гарантируемых государством прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 февраля 1999 года № 4-П, свобода договора не является абсолютной, не должна приводить к отрицанию или умалению других общепризнанных прав и свобод (статья 55, часть 1, Конституции Российской Федерации) и может быть ограничена федеральным законом, однако лишь в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях, включая защиту основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Гражданский кодекс Российской Федерации, называющий свободу договора одним из основных начал гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1), предусматривает в качестве ее ограничения, в частности, институт публичного договора, в рамках которого исключается право лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом в отношении заключения и условий публичного договора, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами (статья 426 ГК Российской Федерации), и институт договора присоединения, условия которого, определенные одной из сторон, должны приниматься другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (статья 428 ГК Российской Федерации).

К договорам присоединения относится и договор банковского вклада, условия которого в соответствии с пунктом 1 статьи 428 ГК Российской

Федерации определяются одной стороной – банком в стандартных формах и который признается публичным договором, если другой стороной (вкладчиком) является гражданин (пункт 2 статьи 834 ГК Российской Федерации), что позволяет учесть специфику договора банковского вклада с гражданами, которые, заключая его с целью получения процентов по вкладу, осуществляют тем самым экономическую деятельность, и достичь баланса интересов его сторон на основе вытекающих из статей 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства и пропорциональности, не затрагивая при этом самого существа свободы договора.

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 23 февраля 1999 года № 4-П, граждане-вкладчики как сторона в договоре банковского вклада обычно лишены возможности влиять на его содержание, что для них является ограничением свободы договора и потому требует соблюдения принципа соразмерности, в силу которого гражданин как экономически слабая сторона в этих правоотношениях нуждается в особой защите своих прав, и влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, т.е. для банков, с тем чтобы реально гарантировать соблюдение конституционного принципа равенства при осуществлении предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Конституция Российской Федерации, закрепляя в статье 35 (часть 1), что право собственности охраняется законом, возлагает тем самым на государство обязанность обеспечить и охрану прав конкретного собственника, каковым является гражданин-вкладчик, который, размещая принадлежащие ему денежные средства во вкладах, несет определенный риск и действия которого, осуществляемые в личных интересах, имеют также публичное значение, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного

кредитования (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2001 года № 10-П). Как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 28 января 2010 года № 2-П, конституционно-правовыми гарантиями должны обеспечиваться и безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете их обладателя, которые по своей природе представляют собой охватываемое понятием имущества обязательственное требование к банку.

3. Отношения, вытекающие из договора банковского вклада, регламентируются рядом нормативных правовых актов, в систему которых входят нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, в частности его главы 44. Давая нормативную дефиницию договора банковского вклада в статье 834 ГК Российской Федерации, согласно которой по договору банковского вклада (депозита) одна сторона (банк), принявшая поступившую от другой стороны (вкладчика) или поступившую для нее денежную сумму (вклад), обязуется возвратить сумму вклада и выплатить проценты на нее на условиях и в порядке, предусмотренных договором (пункт 1), федеральный законодатель указал на наличие двух последовательных юридических фактов, необходимых для совершения договора, – заключение в письменной форме соглашения между банком и вкладчиком и фактическую передачу банку конкретной денежной суммы, зачисляемой на счет вкладчика, открытый ему в банке (пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации).

Таким образом, договор банковского вклада считается заключенным с момента, когда банком были получены конкретные денежные суммы; соответственно, право требования вклада, принадлежащее вкладчику, и корреспондирующая ему обязанность банка по возврату вклада возникают лишь в случае внесения средств вкладчиком. Подобное регулирование процедуры заключения договора банковского вклада направлено на обеспечение фактического поступления денежных средств по договорам банковского вклада и отвечает интересам не только конкретных банков, но и

всей банковской системы и в конечном счете – в силу ее значимости для устойчивого развития экономики Российской Федерации – как интересам финансово-экономической системы государства, так и интересам граждан-вкладчиков в целом. Вместе с тем подтверждение факта внесения вклада, по буквальному смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 836 ГК Российской Федерации, допускается и иными, помимо сберегательной книжки, сберегательного или депозитного сертификатов, документами, оформленными в соответствии с обычаями делового оборота, применяемыми в банковской практике, к числу которых может, в частности, относиться приходный кассовый ордер, который по форме отвечает требованиям, утвержденным нормативными актами Банка России.

3.1. Исходя из того что пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации допускает подтверждение соблюдения письменной формы договора банковского вклада выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, установленным банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота, т.е. перечень документов, которые могут удостоверить факт заключения договора банковского вклада, не является исчерпывающим, внесение денежных средств на счет банка гражданином-вкладчиком, действующим при заключении договора банковского вклада разумно и добросовестно, может доказываться любыми выданными ему банком документами.

Что касается неблагоприятных последствий несоблюдения требований к форме договора банковского вклада и процедуры его заключения, то их несение возлагается на банк, поскольку как составление проекта такого договора, так и оформление принятия денежных средств от гражданина во вклад осуществляются именно банком, который, будучи коммерческой организацией, самостоятельно, на свой риск занимается предпринимательской деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли (абзац третий пункта 1 статьи 2 и статья 50 ГК Российской Федерации), обладает специальной правоспособностью и

является – в отличие от гражданина-вкладчика, не знакомого с банковскими правилами и обычаями делового оборота, – профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний.

В частности, если из обстоятельств дела следует, что договор банковского вклада, одной из сторон которого является гражданин, был заключен от имени банка неуполномоченным лицом, необходимо учитывать, что для гражданина, проявляющего при заключении договора необходимые разумность и добросовестность, соответствующее полномочие представителя может явствовать из обстановки, в которой он действует (абзац второй пункта 1 статьи 182 ГК Российской Федерации). Например, когда договор оформляется в кабинете руководителя подразделения банка, то у гражданина имеются основания полагать, что лицо, заключающее этот договор от имени банка, наделено соответствующими полномочиями. Подобная ситуация имеет место и в случае, когда договор банковского вклада заключается уполномоченным работником банка, но вопреки интересам своего работодателя, т.е. без зачисления на счет по вкладу поступившей от гражданина-вкладчика денежной суммы, притом что для самого гражданина из сложившейся обстановки определенно явствует, что этот работник действует от имени и в интересах банка.

Соответственно, суды, которые при рассмотрении споров между гражданами и кредитными организациями по поводу банковских вкладов самостоятельно осуществляют гражданско-правовую квалификацию отношений сторон, в том числе определяют, могут ли эти правоотношения считаться установленными, какова их природа, юридические факты, их порождающие, должны учитывать различный уровень профессионализма сторон в данной сфере правоотношений, отсутствие у присоединившейся стороны – гражданина реальной возможности настаивать на изменении формы договора и на проверке полномочий лица, действующего от имени банка, и т.д.

3.2. Определяя пределы осуществления гражданских прав, статья 10 ГК Российской Федерации устанавливает, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются (пункт 5). Разъясняя это законоположение, Верховный Суд Российской Федерации указал, что при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

С учетом неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации позиции, согласно которой суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, оказывалось бы существенно ущемленным, это означает, что суд не вправе квалифицировать, руководствуясь пунктом 2 статьи 836 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 166, как ничтожный или незаключенный договор банковского вклада с гражданином на том лишь основании, что он заключен неуполномоченным работником банка и в банке отсутствуют сведения о вкладе (об открытии вкладчику счета для принятия вклада и начисления на него процентов, а также о зачислении на данный счет денежных средств), в тех случаях, когда – принимая во внимание особенности договора банковского вклада с гражданином как публичного договора и договора присоединения – разумность и добросовестность действий вкладчика (в том числе применительно к оценке предлагаемых условий банковского вклада) при заключении договора и передаче денег

неуполномоченному работнику банка не опровергнуты. В таких случаях бремя негативных последствий должен нести банк, в частности создавший условия для неправомерного поведения своего работника или предоставивший неуполномоченному лицу, несмотря на повышенные требования к экономической безопасности банковской деятельности, доступ в служебные помещения банка, не осуществивший должный контроль за действиями своих работников или наделивший полномочиями лицо, которое воспользовалось положением работника банка в личных целях, без надлежащей проверки.

Действия банков, работники которых принимали у вкладчиков дополнительные денежные суммы для внесения во вклад (со ссылкой на подписанный договор) и выдавали денежные суммы в качестве процентов по вкладу, в силу статьи 402 ГК Российской Федерации, согласно которой действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника, должны расцениваться с учетом предписаний пункта 5 статьи 166 ГК Российской Федерации в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ, устанавливающего, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действовало недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Приведенное правило, по сути, лишь нормативно подтверждает необходимость добросовестного поведения участников регулируемых гражданским правом отношений (в том числе возникших до его формальной имплементации в текст Гражданского кодекса Российской Федерации), которое должно отвечать критерию определенности, однозначности и точности.

При этом на гражданина-вкладчика, не обладающего профессиональными знаниями в сфере банковской деятельности и не имеющего реальной возможности изменить содержание предлагаемого от

имени банка набора документов, необходимых для заключения данного договора, возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий (заключить договор в здании банка, передать денежные суммы работникам банка, получить в подтверждение совершения операции, опосредующей их передачу, удостоверяющий этот факт документ). Поэтому с точки зрения конституционных гарантий равенства, справедливости и обеспечения эффективной судебной защиты необходимо исходить из того, что гражданин-вкладчик, учитывая обстановку, в которой действовали работники банка, имел все основания считать, что полученные им в банке документы, в которых указывается на факт внесения им денежных сумм, подтверждают заключение договора банковского вклада и одновременно удостоверяют факт внесения им вклада. Иное означало бы существенное нарушение прав граждан-вкладчиков как добросовестных и разумных участников гражданского оборота.

3.3. Таким образом, пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации в части, позволяющей подтверждать соблюдение письменной формы договора «иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота», не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку в этой части его положения, закрепляющие требования к форме договора банковского вклада, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют суду на основании анализа фактических обстоятельств конкретного дела признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор – заключенным, если будет установлено, что прием от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему банком (лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора,

воспринималось гражданином как действующее от имени банка) и в тексте которых отражен факт внесения соответствующих денежных средств, и что поведение гражданина являлось разумным и добросовестным.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 1 статьи 836 ГК Российской Федерации в части, позволяющей подтверждать соблюдение письменной формы договора «иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным для таких документов законом, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота», не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку в этой части его положения, закрепляющие требования к форме договора банковского вклада, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не препятствуют суду на основании анализа фактических обстоятельств конкретного дела признать требования к форме договора банковского вклада соблюденными, а договор – заключенным, если будет установлено, что прием от гражданина денежных средств для внесения во вклад подтверждается документами, которые были выданы ему банком (лицом, которое, исходя из обстановки заключения договора, воспринималось гражданином как действующее от имени банка) и в тексте которых отражен факт внесения соответствующих денежных средств, и что поведение гражданина являлось разумным и добросовестным.

2. Судебные постановления по делам граждан Билера Игоря Степановича, Гурьянова Петра Александровича, Гурьяновой Нелли Алексеевны, Каминской Светланы Игоревны, Савенкова Анатолия

Максимовича, Савенковой Лидии Ивановны и Степанюгиной Ирины Петровны, вынесенные на основании пункта 1 статьи 836 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 28-П